

Космические перелеты непредсказуемы: время прибытия всегда остается величиной переменной. Даже если корабль идет по прежнему курсу, с той же скоростью и в том же секторе пространства, он может достичь цели чуть раньше или позже, чем в прошлый раз.

Если бы этот второй рейс повторил хронометраж первого, экипаж и пассажиры «Суаньни» давно бы уже высадились на планете ZGUS27. Однако прошел еще один день, а они все еще скользили сквозь безмолвную пустоту космоса.

Сюй Яньци, как обычно, сидел в рубке управления, изучая телеметрию и отчеты систем корабля, поступающие на экраны в реальном времени. Во всем этом просторном помещении работал лишь один объектив автоматической камеры, фиксирующий его работу для трансляции.

Остальные участники шоу в этот час усердно «вырабатывали» обязательные часы эфира, и каждый был занят собственным стримом. Из-за этого в трансляции Сюй Яньци царило абсолютное затишье — его комната оставалась самой безмолвной и непопулярной на всей платформе.

Руководство проекта уже готово было рвать на себе волосы: продюсеры сбились с ног, пытаясь придумать, как оживить угасающий интерес к эфирам Сюя. Конечно, общие рейтинги держались за счет групповых выпусков, но когда дело доходило до индивидуального вещания, съемочной группе оставалось уповать лишь на харизму других участников.

В итоге режиссеры решили развести эфирные сетки по времени и попросили топовых, наиболее активных стримеров шоу периодически привлекать Сюй Яньци в свои трансляции, чтобы поделиться с ним аудиторией. Если бы это помогло расшевелить «стоячую воду» в его блоге — отлично. Ну а если нет... что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок, важен был каждый зритель.

В первые дни затея принесла плоды, и сегодня продюсеры решили пойти на риск: отпустили ситуацию и дали Сюй Яньци возможность вести стрим самостоятельно. Результат оказался предсказуем — попытка обернулась полным провалом, и охваты рухнули по экспоненте. И все же это было чуточку лучше, чем в самые первые дни.

Болото едва колыхнулось. Поняв, что «Суаньни» вот-вот совершит посадку, после чего все равно начнутся командные испытания, съемочная группа махнула рукой и оставила его в покое.

Сюй Яньци наконец-то получил глоток долгожданной свободы — личное пространство и время, когда можно побыть наедине с собой. Он вздохнул с облегчением, но почти сразу почувствовал, как в груди разливается глухая, щемящая тоска.

Он нахмурился, не понимая причин этой внезапной хандры. Пытаясь отвлечься, он упрямо вглядывался в бесконечные строчки данных на панели управления, перепроверя показатели раз за разом. Но работа больше не спасала — мысли ускользали.

С момента их отлета с Земли прошло уже четыре дня.

И все эти четыре дня Ци Мо почти не разговаривал с ним. Только по делу, да и то сквозь зубы.

А ведь перед самым стартом, сидя за обеденным столом в собственном доме, Ци Мо едва ли не душу ему наизнанку вывернул. И вот — стоило им подняться на борт, как за несколько суток всё вернулось на круги своя.

Доброжелательный Ци Мо, пустивший его пожить к себе; заботливо готовивший ему завтраки, обеды и ужины; упрямо споривший с роботом Гуаджи из-за пустякового прозвища и водивший его в парк аттракционов Земли... Всё это великолепие растаяло в один миг. Парень снова заперся в своей скорлупе, превратившись в прежнего себя — нелюдимого, холодного, смотрящего на мир со скучающим равнодушием.

Всё вернулось в исходную точку.

С трудом закончив анализ последних телеметрических сводок, Сюй Яньци опустил в кресло пилота и устало потер переносицу, снимая напряжение с глаз. Откинувшись на спинку, он уставился на безбрежный океан звезд за обзорным стеклом. Взгляд наконец-то отдохнул от неоновое свечения мониторов. Вместе со зрением прояснились и мысли.

Сюй Яньци прекрасно знал истинную причину этой внезапной холодности. В день отлета, прямо на глазах у Ци Мо, он солгал Сун Биню.

В своей жизни он лгал от силы раза три, поэтому каждый подобный случай врезался в память намертво. Но дело было даже не в муках совести. Просто он банально не успел привыкнуть к этой перемене: человек, который еще вчера окружал его почти осязаемым теплом, теперь при встрече едва ронял пару слов.

«Обычная человеческая слабость», — мысленно резюмировал Сюй Яньци.

Возврат к началу — далеко не самый худший исход. Нельзя потерять то, что тебе никогда не принадлежало.

И все же глухое одиночество успело оставить в его душе едва заметную трещину. В голове спорили два голоса. Один явно проигрывал, но продолжал упорно твердить свое, отчетливо и веско.

«Хуже уже некуда».

Сюй Яньци глубоко вдохнул, задержав воздух в легких. Медленно сосчитал про себя, успокаивая бешено бьющееся сердце, и лишь затем плавно выдохнул.

Ложь, какой бы мелкой она ни была, оставалась ложью. Сюй Яньци твердо решил во всем признаться.

В этот момент на экране стрима лениво поползли редкие комментарии:

«Учитель Сюй выглядит каким-то задумчивым. Что-то случилось?»

«Неужели... безответная любовь?»

«Интересно, и кто же этот счастливчик? хитрый смайлик»

Пусть его стрим и не хватал звезд с неба по охватам, те немногие зрители, что оставались у экранов, искренне любили Сюя. Малейшие перемены в его настроении они улавливали мгновенно.

Тем временем в своей каюте Ци Мо уступил многочисленным просьбам зрителей и вновь запел акапелла песню «Светлячок».

Он исполнил лишь первый куплет, на что ушло чуть больше минуты. Продюсеры требовали вести эфир до самого ужина, а до раздачи рационов оставалось еще уйма времени. Пришлось заполнять паузы разговорами с чатом.

— Когда мы прибудем на планету ZGUS27? — Ци Мо выудил из потока вопросов тот, на который мог ответить. — Сегодня утром бортовой компьютер «Суаньни» передавал, что лететь осталось около тридцати часов.

С момента объявления прошло уже около шести часов, так что до высадки оставались буквально сутки.

Ци Мо прикинул это в уме, но уточнять не стал. Впрочем, внимательные зрители тут же поправили его в комментариях.

Заметив эти поправки, певец согласно кивнул:

— Да, вы правы. Меньше суток.

— Произошло ли за эти дни что-нибудь интересное? — прочитал он вслух очередной вопрос. Ци Мо откинулся на спинку кресла и уставился в потолок, пытаясь воскресить в памяти события последних дней.

Лучше бы он этого не делал. Перед глазами тут же встала сцена первого дня пути, когда Сюй Яньци так легко соврал Сун Биню.

Тогда, услышав ответ Сюя, Ци Мо сначала опешил, а потом впал в полное замешательство. Он никак не мог взять в толк: почему Яньци так отчаянно пытался скрыть, что они приехали на космодром вместе, выставив все как случайную встречу в пути?

Разумеется, выдавать Сюй Яньци на месте он не стал, но обиду затаил глубокую. Он злился на то, с какой легкостью Яньци обесценил их дружбу и все проведенное вместе время, поспешив откеститься от него перед первым встречным.

Но больше всего Ци Мо злился на собственное малодушие — ведь он даже толком высказать эту обиду не смел.

Стоило ему разжечь в себе праведный гнев, как внутри все сжималось от глухого страха потерять Сюя окончательно. В итоге он просто молча варился в собственной обиде, боясь даже заговорить с ним лишний раз.

С тех пор минуло уже несколько суток. Сказать, что Ци Мо совсем отпустил ситуацию, было бы ложью, но и первая острая боль уже немного утихла.

С началом полета навалилась куча дел, новые заботы постепенно вытеснили неприятные мысли, и если бы не этот дурацкий вопрос из чата, он бы, пожалуй, и не вспомнил о той размолвке.

Но забыл ли на самом деле?

Едва ли. Стоило оживить это воспоминание, как прежние чувства нахлынули с новой силой — яркие, колющие, будто все произошло только что.

Видимо, эта мимолетная ложь ранила его куда глубже, чем он пытался себе внушить.

Но трансляция продолжалась, и настойчивые сигналы входящих сообщений на терминале связи быстро вернули его к реальности.

Спрятав секундное замешательство за коротким покашливанием, Ци Мо подался ближе к камере, делая вид, будто все это время мучительно подбирал слова:

— На самом деле на борту «Суаньни» каждый день похож на предыдущий. Космический перелет — штука монотонная, так что хвастаться особо нечем.

Впрочем, даже если бы на корабле произошло чудо, пребывающий в унынии певец его бы

попросту не заметил.

— Учитель Сюй? — Ци Мо заметил знакомое имя в бесконечном водопаде летящих комментариев.

Строчки бежали слишком быстро, и он успел лишь выхватить глазами фамилию Сюя, не разобрав сути вопроса.

Но чат тут же продублировал мысль:

«Учитель Сюй сам не свой сегодня. Вы ведь с ним ближе всех общаетесь, не знаете, что случилось?»

— Не в духе? — тихо повторил Ци Мо. После старта они почти не пересекались, а сам он был настолько погружен в собственные невеселые думы и вымотан рабочими часами, что банально не обратил внимания на состояние Сюя.

Прочитав это, он невольно отпрянул от экрана, словно пытаясь спрятаться от неловкого вопроса.

Он опустил глаза и сцепил пальцы в замок на коленях, больше не вглядываясь в бегущую ленту чата.

В груди шевельнулось запоздалое раскаяние, но сквозь него вдруг пробилось странное, почти постыдное чувство ликования. А всему виной была фраза: «Вы ведь с ним ближе всех общаетесь».

Оказывается, для посторонних людей они с Сюй Яньци уже стали самыми близкими друзьями.

Да и слова о плохом настроении Сюя дарили робкую надежду: возможно, тот переживал их размолвку ничуть не меньше.

Но порадоваться моменту не удалось — в комментариях внезапно разгорелся нешуточный спор. Хуан Жолинь, неусыпно следившая за эфиром подопечного, тут же прислала экстренное уведомление на коммуникатор.

Как бы ни кружилась голова от собственных мыслей, ему пришлось взять себя в руки и вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля.

Он быстро пробежал глазами последние реплики зрителей, мгновенно оценив масштаб бедствия. Причина сетевой бури была банальна: часть преданных фанатов певца сочла оскорбительным то, что в его личном эфире кто-то посмел обсуждать постороннего человека,

пусть и коллегу по проекту.

К счастью, Межзвездный сетевой кодекс строго карал за токсичное поведение в сети. Каким бы сильным ни было раздражение фанатов, раздуть из этого полноценный скандал они не могли — система модерации работала безупречно.

Стоило черкнуть лишнее слово, как алгоритмы безжалостно отправляли нарушителя в бан на неопределенный срок, а рассмотрение апелляций тянулось неделями. Для современных людей, практически живущих в виртуальном пространстве, такая блокировка приравнивалась к гражданской смерти.

Тем не менее, как публичная персона, он был обязан мягко направить разгоряченную паству в нужное русло.

Наведя порядок в мыслях, он обратился к камере. Сначала вежливо поблагодарил фанатов за заботу, а затем спокойно напомнил, что на шоу они с Сюй Яньци работают в одной связке, и атмосфера взаимной поддержки внутри команды для него важнее всего.

В завершение он добавил:

— Ребята, вы можете спрашивать меня о ком угодно из нашей команды. Если я буду знать ответ, обязательно поделюсь.

Убедившись, что страсти в чате поутихли, он поспешил сменить тему, уводя разговор подальше от Сюй Яньци, чтобы не искушать судьбу.

За интересной беседой время пролетело незаметно. Когда на экране всплыло уведомление от администратора эфира о завершении трансляции, он даже удивился, что рабочий день подошел к концу.

Мысленно выдохнув, он сохранил на лице привычную маску невозмутимого спокойствия, небрежно помахал рукой в объектив, коротко бросил: «До встречи» — и без колебаний завершил стрим.

Поднявшись из-за стола, он размял затекшие плечи и принял для себя твердое решение.

Выйдя из каюты, он направился напрямик в кают-компанию. Молча принял из рук Сюй Яньци две пробирки с питательным раствором, но пить не спешил. Вместо этого он краем глаза следил за остальными ребятами. Стоило тем закончить трапезу и разойтись, как он медленно поднес пробирку к губам и принялся цедить густую жидкость крошечными глотками.

У него были красивые, по-мужски крупные кисти с длинными тонкими пальцами. На фоне изящной стеклянной колбы эта контрастность бросалась в глаза особенно сильно.

Обычно он выпивал рацию одним махом, поэтому никто никогда не замечал, как забавно он отставляет мизинец, удерживая тонкое стекло. Никто — кроме Сюй Яньци.

К этому моменту Сюй уже собрал пустую тару у остальных ребят. Заметив, что Ци Мо все еще возится со своей порцией, он удивился, но вида не подал — лишь как бы невзначай сделал несколько шагов в его сторону.

Сюй Яньци собирался просто дождаться, пока тот допьет, как вдруг он заметил тонкие пальцы, сжимающие колбу. Он промолчал и тут же отвел взгляд, терпеливо замерев рядом.

В кают-компании они остались одни — остальные, утомленные долгим перелетом, поспешили разойтись по каютам, стараясь выкроить любую свободную минуту для сна. Многодневный космический рейс выматывал до предела, и никто не упускал возможности лишний раз вздремнуть.

Именно этого момента Ци Мо и ждал. Убедившись, что лишних ушей не осталось, он в два глотка осушил остатки раствора, ловко перехватил пустые пробирки пальцами и протянул их Сюй Яньци.

— Брат Яньци...

— Ци Мо...

Они заговорили одновременно и тут же осеклись на полуслове.

Возникла неловкая пауза, но уже через мгновение он не выдержал и негромко фыркнул, а затем искренне рассмеялся.

В этот миг вся тяжесть последних дней куда-то испарилась, а заготовленные оправдания показались ему глупыми и ненужными.

Однако Сюй Яньци отступать не собирался. Он подождал пару секунд и, поняв, что певец не продолжит, заговорил сам:

— Прости меня. Тогда, в день отлета...